

Поначалу Сун Цинсуй просто лежал в объятиях Тан Хуая. Но широкие ладони, длинные пальцы — каждое их движение отзывалось в темноте острой, кристально ясной дрожью.

Сун Цинсуй широко распахнул глаза. Тело предательски потряхивало.

— Ты... ты чего удумал! — с запинкой выдавил он.

Тяжёлое дыхание Тан Хуая опаляло ухо. Он начал целовать его мягкую мочку.

Влажно, горячо, настойчиво — пока не стало почти больно. Сун Цинсуй наконец не выдержал, раздражённо рванулся в сторону, но рука соскользнула, и он завалился на живот. Тан Хуай тут же накрыл его собой.

Шорты для сна у Сун Цинсюя были короткими, а пока он валялся под одеялом, штанины задрались ещё выше. Тан Хуаю не составило труда добраться до гладкой, нежной кожи его бёдер.

Особенно внутренней стороны, от которой Тан Хуай просто не мог оторваться.

Лицо Сун Цинсюя пылало так, что готово было взорваться. Он судорожно потянулся назад, чтобы оттолкнуть наглеца, но рука случайно наткнулась на нечто пульсирующее и раскалённое. Мысли мгновенно испарились.

— С-с-с... — сквозь зубы втянул воздух Тан Хуай.

Вот теперь терпеть стало действительно невозможно.

Ощущение чужого присутствия становилось всё ярче, игнорировать его было нереально. Прибавим к этому обжигающее дыхание на шее и возле уха — Сун Цинсуй хотел бы отвлечься, подумать о чём-то другом, но не мог.

Тан Хуай без устали ласкал внутреннюю сторону его бёдер, снова и снова, пока кожа не покраснела. Сладостная истома, словно тончайшая шёлковая нить, проникла через приоткрытые губы Сун Цинсюя и подвесила его сознание высоко под потолком.

Сун Цинсуй запрокинул голову. Линия шеи натянулась струной, кадык судорожно дёргался вверх-вниз, придавая этой струне живую, болезненную хрупкость.

С уголка губ скатилась капля слюны. Сун Цинсуй прекрасно понимал: в комнате темно, Тан Хуай ничего не видит, даже его лица. Но от невыносимого смущения он всё равно крепко зажмурился.

— Да... быстрее ты!

Это прозвучало со смесью злости и стыда, но, к счастью, он получил то, что просил.

Сун Цинсюю казалось, что сейчас Тан Хуай ведёт себя так же неразумно, как человек, влезающий без очереди. Но на самом деле, видя, как он дрожит и жмётся, Тан Хуай уже давно растаял внутри.

— Тебе так нравится? — шептал Тан Хуай. — Малыш, тебе так хорошо? Больно? Прости, родной, всё стёрлось, наверное, очень больно?

Сун Цинсюй мысленно плевался кровью. Он вообще-то хотел подарить чувство безопасности, а не собственные бёдра на растерзание!

Но слова, слетавшие с языка, уже плохо контролировались разумом.

— Не... ты... хватит...

— Малыш, ты не представляешь. Я так давно этого хотел. Всё думал: когда уже начнётся межсезонье, чтобы мы могли вообще не вылезать из постели?

— Да затк...

Договорить он не смог. Пальцы Тан Хуая проникли ему в рот, поймав язык. Он то легонько тянул его, словно играя с лепестком цветка, то поглаживал, как любимого питомца.

От этой откровенно собственнической ласки остатки рассудка Сун Цинсюя начали сбоить.

Его язык что, домашняя зверушка Тан Хуая?!

Но додумать он не успел. Внушительная фигура позади безжалостно поглотила и подавила все его беспокойные мысли.

— Малыш, я прямо за тобой. О чём ты думаешь? Ты уже мой парень. Неужели ты не можешь всегда смотреть только на меня? Всегда думать только обо мне?

Сун Цинсюй хотел ответить, что ничего такого он не думает. Но большой палец Тан Хуая давил на зубы, а средний прижимал язык. Его рот сейчас не был способен ни на что, кроме как глотать воздух.

От этой пугающей, жадной собственнической одержимости Сун Цинсюю стало не по себе. Ему

показалось, что он нащупал крошечную часть причины, почему Тан Хуаю так не хватает чувства безопасности. Но большая часть всё равно оставалась скрытой в тумане.

...

Они возились больше часа. Когда всё закончилось, у Сун Цинсюя немилосердно ныли и ноги, и челюсть, и он даже не мог сказать, что болит сильнее. К тому же, из-за того, что рот был открыт так долго, в горле пересохло, и он не мог выдать ни звука. Тан Хуай сидел в изножье кровати и разминал ему стопы, так что дотянуться руками не получалось. Пришлось пинать его ватной, обессиленной ногой.

— Пить.

Коротко и ясно. Но хриплый, сорванный голос доставил Тан Хуаю огромное удовольствие.

Понимая, что перегнул палку, он, разумеется, был готов выполнить любую прихоть. Поцеловав Сун Цинсюя в голень, он заботливо укрыл его одеялом и спустился вниз за водой.

Сун Цинсюй закрыл глаза, отдыхая в ожидании.

В ушах всё ещё звенели бесстыдные словечки Тан Хуая. И как только этот парень с вечно ледяным лицом умудряется не краснеть и не моргая нести такую пошлятину?

Одна фраза срамнее другой. Сун Цинсюй просто с ума сходил.

«Люби меня всегда», «так давно этого хотел», «всё время думал» — где он вообще этого набрался?!

А ещё эти слова казались подозрительно знакомыми. Где он их слышал?

Где же...

В комнате, освещённой лишь тусклым настенным светильником, лежащий в постели красивый парень вдруг резко распахнул глаза и недоверчиво уставился на дверь.

Он вспомнил! Это же писал тот аккаунт, «Люблю Сюй-Сюя»! И человек из его снов говорил то же самое!

Но почему Тан Хуай это сказал? Неужели, когда влюбляешься, все начинают нести один и тот же бред?

Сун Цинсюй чувствовал: что-то не сходится. Как будто он упустил какую-то важную деталь. Но за последние дни произошло столько всего, в голове царил такой бардак, что ухватить эту мысль за хвост никак не получалось.

Тан Хуай вернулся со стаканом тёплой воды. Приподняв Сун Цинсюя, он аккуратно, небольшими глотками напоил его и поставил стакан на тумбочку.

Заодно поставил телефон на зарядку, выключил свет и лёг рядом.

Он поцеловал Сун Цинсюя в лоб:

— Спокойной ночи, малыш. В этот раз — честно спокойной.

Горло всё ещё саднило, поэтому Сун Цинсюй поленился отвечать. Он просто закрыл глаза и провалился в сон.

Но спал он в ту ночь беспокойно.

Такое случилось впервые за всё время, что они спали вместе.

Сначала ему по второму кругу приснились все те странные, обрывочные сны за последнее время. Только теперь он был не участником, а наблюдателем со стороны.

Хотя лица того человека он по-прежнему не видел, зато смог разглядеть больше деталей. Шрам на руке. Родинка на шее.

В том сне, где они были на сцене, Сун Цинсюй даже заметил родинку на нижнем веке.

Но стоило ему в панике проснуться, как все эти детали начали стремительно утекать сквозь пальцы, словно вода. Сун Цинсюй успел ухватиться только за одно.

Он изо всех сил, до боли в висках вцепился в воспоминание: у того человека была родинка в очень специфическом месте. Он уже забыл, где именно, но точно знал — он сто процентов видел эту родинку в реальной жизни!

Выровняв дыхание, Сун Цинсюй повернул голову. Тан Хуай крепко спал.

Похоже, ему тоже что-то снилось: под закрытыми веками быстро бегали зрачки, мышцы лица были напряжены. Вряд ли это был хороший сон.

Сун Цинсюй слишком хорошо знал, как мучительны кошмары. Сжавшись от сострадания, он

поцеловал своего парня в межбровье.

И мысленно, очень серьёзно пожелал: пусть Тан Хуаю больше никогда не снятся кошмары.

Сквозь щель в шторах пробивался холодный, бледный свет, очерчивая на полу узкую полосу. Сун Цинсюй наощупь потянулся к тумбочке, чтобы проверить время.

Экран вспыхнул, осветив угол комнаты. Боясь разбудить Тан Хуая, Сун Цинсюй быстро повернулся на бок, прикрывая свет телом.

И тут же понял, что держит в руках телефон Тан Хуая.

Их телефоны лежали рядом — одной модели, в одинаковых чехлах. Неудивительно, что он перепутал.

На обоях стояло промо-фото Сун Цинсюя, которое публиковали WS при анонсе состава.

Любой посторонний, взяв этот телефон, решил бы, что он принадлежит Сун Цинсюю, а не Тан Хуаю.

Часы показывали начало пятого утра. Прикинув в уме, Сун Цинсюй понял, что проспал меньше двух часов.

Накатила запоздалая усталость, и он легонько зевнул. Но в этот момент на экране блокировки высветилось сообщение:

[Ты просто омерзителен]

Сон как рукой сняло. Сун Цинсюй распахнул глаза, осторожно обернулся и, убедившись, что Тан Хуай всё ещё спит, немного выдохнул.

Кто это написал? Хейтеры? Откуда у них номер Тан Хуая? И сколько человек его знают? Это первое сообщение или они уже писали? Тан Хуай видел это раньше?

Разблокировав экран своим днём рождения, Сун Цинсюй открыл сообщение. Номер был виртуальным. Сервера таких номеров обычно находятся за границей, проходят через кучу переадресаций, и даже если вычислить IP — не факт, что он настоящий.

Полезной информации ноль. Сун Цинсюй просто удалил СМС. Он не хотел, чтобы Тан Хуай видел эту дрянь. И хотя он понимал, что Тан Хуаю плевать на высеры хейтеров, он всё равно хотел защитить своего парня.

Но не успел он удалить одно, как тут же пришло новое.

[Проваливай с базы WS]

Увидев эти слова, Сун Цинсуй почувствовал, как в глазах закипает ярость. Челюсти сжались, желваки заиграли на скулах. Если бы не спящий рядом Тан Хуай, он бы точно заскрежетал зубами.

Чего вообще добиваются эти слабоумные хейтеры?!

Тан Хуай отыграл сезон на отлично! Откуда, блядь, берутся эти психи?!

Плотно сжав губы в тонкую линию, Сун Цинсуй удалил и это сообщение. Затем зашёл в настройки и выкрутил фильтр спама на максимум, чтобы Тан Хуай больше никогда не видел этого мусора.

Заблокировав экран, он вернул телефон на место, улёгся обратно и приготовился досыпать.

Но не успел затылок коснуться подушки, как Тан Хуай сгрёб его в охапку.

Тан Хуай даже не открыл глаза. Сонным, хриплым голосом он пробормотал:

— Чего проснулся? Кошмар приснился? Не бойся, малыш, я здесь. Я всегда здесь.

От этой абсолютно подсознательной, инстинктивной реакции у Сун Цинсюя дрогнуло сердце. В своей жизни он видел такую безоговорочную любовь только от двух людей.

Первой была бабушка. Она вырастила его, заботилась о каждой мелочи. Но это была кровная связь, инстинкт, заложенный природой.

А вторым был Тан Хуай. Тан Хуай не был ему родственником, но всё равно любил его, заботился о нём и уважал — абсолютно без остатка.

И от мысли, что такого замечательного Тан Хуая могут ранить грязные оскорбления каких-то ноунеймов, Сун Цинсюю стало невыносимо больно.

Впитывая тепло его тела, Сун Цинсуй повернулся, успокаивающе поцеловал Тан Хуая в подбородок и уткнулся лицом ему в грудь.

От этого жеста остатки сна у Тан Хуая как рукой сняло.

Он внимательно всмотрелся в лицо Сун Цинсюя:

— Малыш, что случилось? Тебе плохо?

Не желая выдавать историю с телефоном, Сун Цинсюй на ходу соврал:

— Кошмар приснился. До смерти перепугался.

В глазах Тан Хуая мелькнула тревога. Он тут же начал успокаивающе гладить его по спине, целуя в щёки и уши:

— Расскажешь — и сон не сбудется. Хочешь поговорить об этом, малыш? Что тебе приснилось?

На секунду Сун Цинсюй действительно захотелось рассказать про свои сны. Но вспомнив, каким ревнивцем бывает его парень, он решил, что это плохая идея.

Мозг заработал на предельных скоростях, подбирая самую правдоподобную ложь:

— Приснилось, что мы проиграли матч.

А чтобы звучало ещё убедительнее, добавил:

— И что зрители орали, что я «Император мида», и кидались в меня гнилой капустой. Прямо по голове попали.

Тан Хуай вскинул бровь и слегка прищурился.

Ц-ц-ц. А-Сюй-то испортился. Зачем он ему врёт?

<http://bllate.org/book/18105/1736452>